

— Париж belle époque
— фильм-мюзикл
«Мулен Руж», снятый
Базом Лурманом в
2001 году. изобре-
тение мюзикла заново

лурмана считают единственным,
кто последовательно развивает
жанр мюзикла в XXI веке

— Нью-Йорк эпохи
джаза — «Великий
Гэтсби» Лурмана
2013 года. Упражне-
ние в чистом стиле

подбрасывая новых режиссеров и актеров: Кидман в том числе. Здесь не бояться, что эта мельница перемелет традиционные культуры: австралийцам просто нечего бояться. Не то что французам.

Еще не так давно на берегах Сены с подозрением относились к вылазкам Голливуда на сугубо французскую территорию. Кроме того, эти попытки были не слишком удачными и вызвали заслуженный сарказм. То были зады старого Голливуда, не раз обращавшегося между прочим и к историческому сюжету «Мулен Руж». Фильм Лурмана по своей культурной аранжировке представлял не рутину, а наоборот — новый виток в развитии мюзикла. Жанра, который родился, когда в кино только-только пришел звук, испытал ренессанс вместе с экспансией цвета и широкого формата, а потом долго и нудно агонизировал. Но настал новый век. Возрождением мюзикла, точнее, его деконструкцией, занялся сам Ларс фон Триер, сняв «Танцующую в темноте». Этот фильм побеждает в Канне в 2000 году, а в 2001-м Каннский фестиваль открывается тоже мюзиклом — это ли не знак? Но только «Мулен Руж» — скорее реконструкция, чем деконструкция жанра: радикально новый мюзикл собирается из старых составных элементов. Недаром Роберт Уайз — создатель «Вестсайдской истории» и «Звуков музыки», любимый режиссер Лурмана, — был вдохновлен на склоне лет и сказал: «Я посмотрел “Мулен Руж” и увидел, что мюзикл изобретен заново».

Любопытно, кстати, проанализировать топ-список фильмов Лурмана: это «Звезда-80», «Восемь с половиной» Феллини, «Война и мир» Бондарчука, «Фицкарральдо» Херцога, и среди них только один мюзикл — «Звезда-80» Боба Фосса. Лурмана называют наследником Уайза и Фосса — единственным, кто последовательно развивает жанр в XXI веке. Проходит больше десятка лет — и опять фестиваль в Канне не находит ничего более правильного, чем открыться премьерой База Лурмана. Самое главное впечатление от «Великого Гэтсби» в том, что фильм снят в 3D и винтажные автомобили фантастических окрасок буквально наезжают на тебя в сценах ночных автогулянок без тормозов. Лурмановский метод в «Великом Гэтсби» не столь эклектичен, как в «Мулен Руж», но тоже заметно отличается от классического, продиктованного романом из американской школьной программы и самой известной экранизацией 1974 года, где Гэтсби сыграл Роберт Редфорд. Стиль того фильма, получивший название «ретро», отличался сочетанием иронии и ностальгии с явным преобладанием последней. Сегодняшнее прочтение гораздо острее и гротескнее. Оно и более спорно, поскольку великолепный дизайн отодвигает на второй план и философскую, и социальную, и моральную проблематику романа.

Ди Каприо, взявшись за роль Гэтсби, играет даже знаменитую редфордовскую улыбку, перед которой не могут устоять ни женщины, ни мужчины. Но именно что играет. Ди Каприо — суперпрофессионал, он включает обаяние по первому требованию, а у Редфорда оно было в крови — в этом разница. Кэри Маллиган тоже не внесла органики в образ Дейзи, который блекнет на фоне ее более экспансивных партнерш. Тоби Магуайр в роли рассказчика Ника Каррауэя много резонерствует, но и ему не удается раскрыть главную тему романа — как большие чувства уживаются с большими деньгами. В результате «Гэтсби» превращается в триумф чистого дизайна, в очередное упражнение в стиле, которому остро не хватает, человеческого измерения. Фильм о колоритнейшей «эпохе джаза» выглядит излишне стерильным. Это, несомненно, работа мастера, но начинаешь с ностальгией вспоминать его ранние работы эпохи «неоварваров» 1990-х годов, в которую Баз Лурман вписал одну из незабываемых страниц.

